

Сентября 7 (20)

Священномученик Григорий (Аверин)

Григорий Иванович Аверин родился 24 января 1889 года в благочестивой крестьянской семье в селе Валы Покров Юрьевоцкого уезда Костромской губернии¹. У родителей его, Иоанна и Феодосии, было двенадцать детей, а кроме них они воспитывали приемного мальчика. Григорий был старшим в семье. Несмотря на большую семью и небольшой достаток, Иоанн в праздники и воскресные дни никогда не работал. В эти дни он поднимался раньше всех и сам будил детей, чтобы никто не опоздал в храм на службу. В двенадцатые и престольные праздники он созывал в дом нищую братию, какая была в тот день в церкви; для них он, как правило, резал овцу. И только напоив и накормив нищих, он начинал принимать гостей и позволял домашним сесть за трапезу.

Тяжело заболев и уже предчувствуя смертельный исход, он никому не сказал о своей болезни, но за три дня до смерти попросил жену истопить баню и позвать священника, чтобы пособороваться и причаститься, и только тогда сказал, что смертельно болен. После причастия Иоанн лег в постель и уже до самой смерти не принимал никакой пищи. В день кончины он созвал сродников, чтобы попрощаться, и детей, чтобы благословить их. Затем попросил постелить на скамье в святом углу подстилку и сам перешел на нее умирать.

Попрощавшись со всеми, он спросил:

– А что это Марии нет?

И стал ждать. Наконец пришла дочь. Иоанн благословил ее – и сразу вслед за этим скончался.

Не уступала мужу в благочестии и Феодосия. В молодости она была исцелена молитвами преподобного Серафима Саровского от тяжелой глазной болезни. Заболев, она решила съездить в Дивеево и Саров к мощам преподобного Серафима. Дети остались дома, только самого младшего ей пришлось взять с собой. Помощь преподобного Серафима она ощутила уже в начале поездки. Когда она взошла на пароход, то почувствовала, точно пелена спала с глаз. Полного исцеления, однако, не произошло, но облегчение было заметное, и она стала колебаться, ехать ли дальше, и лишь с большим трудом поборолась искушение отложить поездку. Приехав в Саров, она долго молилась у мощей преподобного, а затем посетила его келью. В келье произошло полное исцеление, и до конца жизни Феодосия сохранила хорошее зрение.

Воспитанный в исконно крестьянской семье, Григорий весь смысл своей жизни видел в служении народу. И не виделось лучшего поприща для крестьянского мальчика, как стать сельским учителем. Окончив в 1910 году учительскую семинарию, Григорий поступил учителем в двухклассную церковно-приходскую школу в городе Кологриве.

Это было время, когда революционные партии окончательно заградили образованному обществу все пути видения происходящего в России. Каждая партия настойчиво предлагала свой рецепт исцеления социальных язв.

Среди учителей в те годы многие состояли в политических партиях. В Кологриве был кружок эсеров. Познакомившись с ними, Григорий Иванович стал получать нелегально издававшуюся литературу, которую читал сам и

распространял среди учителей, учащихся, их родителей и солдат кологривского гарнизона. После февральской революции Григория Ивановича единогласно избрали председателем уездной земской управы. Выборы состоялись в сентябре, а через месяц произошел октябрьский переворот, и хотя советская власть упразднила местные управления, утвержденные Временным правительством, Григорий Иванович продолжал служить председателем управы. Группа большевиков в Кологриве объявила себя советской властью в конце января 1918 года, и в феврале Григорий Иванович устранился от участия в деятельности местных властей.

Большевики управляли страной, не считаясь с ее населением. Правление было жестоким, и народ начал проявлять недовольство. Становилось все очевидней, что жители не сегодня-завтра поднимут мятеж. Кое-кто из числа городских эсеров предлагал возглавить грядущее крестьянское восстание. Григорию Ивановичу поручили на эту тему приготовить доклад. В начале марта в его квартире собралась местная интеллигенция, среди которой были эсеры. Григорий Иванович подробно объяснил, почему эсерам принимать участие в крестьянском восстании нельзя. Собрание согласилось. Через несколько дней, на масленой неделе, крестьяне окрестных сел привезли в город хлеб на продажу. Местные большевики попытались вооруженной силой отнять этот хлеб. Крестьяне отказались подчиняться и арестовали местное начальство. Что делать дальше, крестьяне не знали;

вскоре в город прибыл карательный отряд, восстание было подавлено, и ЧК стала производить аресты среди местного населения. Были арестованы все эсеры и среди них Григорий Аверин. Следствие о восстании тянулось почти год; четыре месяца Григорий Иванович находился в застенках ЧК, где ему угрожали расстрелом. Угроза была не пустая, расстреливали в те годы легко, не смущаясь юридическими формальностями. Находясь вблизи смерти, Григорий Иванович совершенно пересмотрел свою жизнь. Здесь, в тюрьме, он стал убежденным христианином. ЧК не удалось доказать причастности его к восстанию, и он был освобожден. Выйдя из тюрьмы, он объявил однопартийцам, что выходит из партии эсеров. ГПУ впоследствии настойчиво интересовалось, почему, порывая с партией, он не сделал это гласно. Григорий Иванович ответил: «Во-первых, я думал, что я ничего особенного из себя как политик не представляю, а во-вторых, я считаю антиморальным клеветать на партию, к которой я принадлежал в период ее бурной славы и жизни, в тот момент, когда она подвергается развалу».

В сентябре 1920 года он устроился на службу в библиотеку Костромского педагогического института, а через год поступил в этот институт учиться. Через два месяца архиепископ Костромской Севастиан (Вести) рукоположил его в сан священника. Первое время о. Григорий служил в Костроме, а затем в селе Ильинском, рядом с Макарьевским монастырем.

В 1923 году власти арестовали о. Григория. Предлогом послужила его принадлежность к партии социалистов-революционеров. В тюрьме выяснилось, что он из партии вышел, и ГПУ освободило его.

Хотя до революции было не принято рукополагать неженатых кандидатов в священники, однако, с тех пор как многие монастыри были закрыты, не желавшие жениться принимали сан без пострижения в монашество. Келейницами о. Григорию служили его сестры, они поочередно ездили помогать по хозяйству, а также Евгения Шембелева, отец которой помогал ему управляться с хозяйством.

Жил о. Григорий лишнего ничего не имея, ограничиваясь и в необходимом. Кроватью ему служили березовые жерди, поверх которых была положена тонкая подстилка, а в изголовье маленькая твердая подушка. Всю ночь он молился, засыпая лишь под утро, иногда и вовсе не ложился. Проснется сестра Анастасия, прислушается - не спит брат, молится; и в какой час ни проснется, всегда застает его на молитве.

– Батюшка, да когда же ты спишь? – спросит она.

– А ты молчи. Никому не говори. Спи и молчи, – ответит о. Григорий. – И за вас всех нужно молиться.

Как в большинстве сельских храмов, богослужение здесь было только в праздники и воскресные дни. Но храм не стоял без молитвы: с утра каждый день священник-подвижник шел в храм и молился, читал и пел всё один.

Воспитанный отцом в традициях христианского милосердия, о. Григорий с самого начала своего священнического служения завел в своем хозяйстве корову для того, чтобы кормить странников. Впоследствии он отдал ее бедной вдове.

Помогал он без лицепрятия, не глядя ни на социальное положение, ни на религиозную или национальную принадлежность. Все лишнее, что появлялось в доме, о. Григорий отдавал малоимущим и многодетным крестьянским семьям.

В те годы и ржаной муки было мало, хлеб пекли с добавками и примесями. И потому, когда в доме появлялось хоть немного пшеничной муки – для келейниц это были особые дни. Они тогда пекли белый хлеб или пироги.

Но как только пироги были выпечены, приходил о. Григорий и большую часть их забирал, оставляя лишь немного – чтобы не обидеть келейниц. А было им до слез обидно, что он лучшее отдавал другим. И стала Анастасия подбивать Евгению Петровну, чтобы та уговорила о. Григория изменить этот порядок.

– Ты такие хорошие пироги испекла, – говорила она Евгении, – а получится из этого что? Приедет какая-нибудь монашка, распустит перед ним слезы – он и отдаст.

Долго-долго они так говорили, а все не хватало смелости пойти и объяснить с о. Григорием. Он тем временем проходил по коридору, задержался и слышал разговор. Вскоре батюшка вошел к ним в комнату – спокойный, кроткий – и, протягивая пироги, сказал:

– Нате, ешьте, только не обижайтесь, ради Христа.

Келейницы бросились прощения просить.

– Батюшка, – взмолилась Евгения, – прости ты нас, она возроптала и меня соблазнила, но она еще глупая... Священник рассмеялся:

– Может, и так.

Среди прихожан о. Григорий славился как опытный духовный наставник. Восемнадцать лет было Ивану Александровичу Вихореву, когда он пришел к о. Григорию за духовным окормлением. Это был русский крестьянин, который ясно понимал, что не в одной земной сытости и веселии заключается смысл человеческой жизни. Он сознавал, что душа стремится вырваться из земных пут, которые, как липкие щупальца, опутывают ее греховными наклонностями и привычками. А мирская жизнь не только не помогала освободиться от них, но еще крепче поработала греху. Посиделки, пустозвонно проведенные вечера молодежи видимостью плотского веселья затягивали душу, как в омут. Иван Александрович не видел, что могло бы из этого омута вызволить, чтобы обрести наконец нравственную устойчивость, и решил обратиться к опытному и твердому в вере наставнику.

– Я хочу отстать от деревенской светской молодежи, – сказал он, придя к о. Григорию, – от гуляний и прочего.

– Это хорошо, – ответил священник, – поживи у меня две недели. – И дал ему правило – вечернее и утреннее. И заповедал: «если захочется тебе пойти на деревенскую беседу или на гулянье, то ты лучше спать ложись, а на гулянье не ходи».

Пожил так Иван Александрович и перестало его тянуть к развлечениям.

В 1927 году митрополит Сергей опубликовал декларацию. Архиереем в Кинешме был в то время епископ Николай (Голубев). Он был противником декларации и сторонником подвига исповеднического и мученического. «Не в том дело, чтобы что-то из земного спасти, – говорил он, – а в том, чтобы душу спасти, а не погубить. Нам и весь мир так не важен, и не важны для православия все приобретения мира, как неповрежденная душа человека. Не за Синод и не за иерархию умер Господь, пролив безвинную Кровь, а за человеческую душу, чтобы ее спасти».

Сам епископ Николай жил в то время в глухой деревне Ширяево в Заволжье, где рядом с его домом в лесу была построена небольшая церковка.

Узнав, что о. Григорий по-прежнему служит, епископ передал ему с нарочным письмо, вызывая к себе. Отец Григорий не поехал.

Владыка настаивал и снова передал приглашение. На этот раз уже со словами: «Чем так служить, лучше шерсть бить да валенки валять, а иначе можно погибнуть».

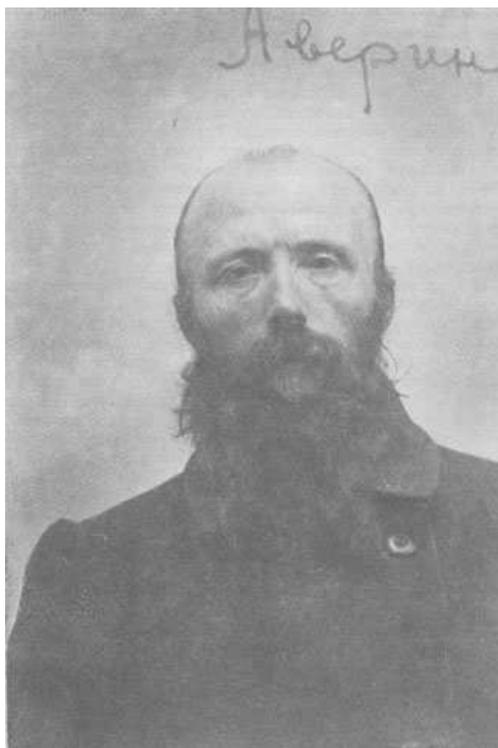
Тема декларации имела значение общецерковное: заместитель Местоблюстителя и викарий архиерей расходились во взглядах непримиримо. Летом 1929 года священники Макарьевского района Рафаил Благонравов, Григорий Аверин, Владимир Каллистов и Павел Краснопевцев встретились в доме последнего, чтобы обсудить, как относиться к духовенству во главе с епископом Кинешемским Николаем, вставшим в оппозицию к митрополиту Сергию. Из собравшихся только о. Павел поддерживал епископа Николая. Беседовали всю ночь, читали и разбирали подробно все имевшиеся воззвания оппозиционных епископов и, избрав о. Владимира Каллистова уполномоченным для выяснения положения церковных дел, поручили ему поехать к владыке Николаю, чтобы от него услышать, насколько позиция епископа соответствует церковным правилам и канонам. Поручение выполнить не удалось, потому что епископ скончался.

В 1929 году советская власть приступила к уничтожению крестьян – кого расстреливали, кого ссылали на смерть в глухие северные районы России и Сибири. Вместе с крестьянами арестовывали всех сколько-нибудь выдающихся священнослужителей. Оставшихся крестьян загоняли в колхозы на положении крепостных.

9 февраля 1929 года Ивановское ГПУ вызвало на допрос псаломщика Ильинской церкви Николая Аристарховича Лебедева. Спрашивали об о. Григории: «Почему о. Григорий часто проповедует и прихожане с большим интересом слушают его? Не антисоветские ли у него проповеди?» Псаломщик такое предположение отверг. Он рассказал, что жизнь в храме при о. Григории сильно изменилась к лучшему. Два года назад священник пригласил в Ильинский храм хорошего регента, монахиню Татьяну Ильиничну Бакшееву. Крестьяне отвели ей участок земли, она построила дом, ревностно обучает детей пению и уже организовала хороший хор. «Священник у нас очень религиозный, – сказал

псаломщик, – совершает службу очень долго, молитвы совершает не только в храме, но и дома».

В середине августа помощник уполномоченного Ивановского ГПУ допросил Николая Румянцева, который был совершенным безбожником. Он сказал, что в своих проповедях «Аверин говорил, что партия, коммунистическая... безбожная партия, везде и всюду идет против Бога, а поэтому эта партия ведет народ к гибели, обкладывает налогами и этим самым душит крестьян». Румянцев показал, что о. Григорий действительно проповедует за каждой службой и его проповеди оказывают большое влияние на крестьян. Многие безбожники после проповедей о. Григория каялись и становились верующими людьми.

Священник Григорий Аверин. Кинешемская тюрьма. 1929 год

В ГПУ вызывали и тех, кто всецело был обязан о. Григорию своим обращением к Богу. Андрей Белорусов свидетельствовал, что о. Григория он знал с того времени, когда тот приехал служить к ним в село в 1921 году. Но близко познакомился с ним во время голода на следующий год. Семья большая, девять человек детей, все съестные припасы подошли к концу, помощи ждать неоткуда, и не было надежды, что хватит сил дожить до нового урожая. И Андрей решил покончить с жизнью самоубийством. Но Господь милостив. Накануне приведения в исполнение своего замысла он встретил о. Григория. Священник стал его уговаривать оставить эти мысли: «Ты же не только себя погубишь, но всю семью. Без тебя они не смогут встать на ноги. Этим поступком ты не только одного себя убьешь, но и детей». А детей, семью Андрей любил. Страх перед голодной смертью семьи и толкал его к самоубийству, чтобы не видеть всего этого ужаса кончины близких. И Андрей как очнулся от наваждения. Искушение прошло, унылые мысли отступили. После голодного года хозяйство поправилось, уже были лошадь, жеребенок, две коровы, теленок и четыре овцы. Но главная радость была даже не от того, что удалось восстановить хозяйство, главное было, что он обрел глубокую веру и теперь во все воскресные дни и в праздники

непрерывно шел в храм. Он стал приглашать священника к себе в дом проводить беседы с верующими на религиозные темы.

– О чем говорит в проповедях священник? – спросил следователь.

– Темы для проповедей берет из Евангелия.

– Ну а последняя проповедь о чем?

– О семейной жизни. Отец Григорий говорил, что хорошо живет только та семья, в которой нет ссор и неурядиц.

Знал о. Григорий, что неминуем арест. Он любил посещать выдающегося подвижника, блаженного Максима, который жил неподалеку от Кинешмы. Об о. Григории Максим Иванович говорил верующим: «Отец Григорий когда молится – свечка до небес горит». А в последний раз сказал священнику как бы о себе: «Вот Максима Иванoviча скоро заберут, скоро заберут... Да это ничего. А вот умрет Максим, и прилетит соловей – но не сядет на могилку и не пропоет...»

Прошел Успенский пост, о. Григорий отслужил торжественную службу на праздник Успения, на следующий день ОГПУ арестовало его. На допросах следователи интересовались все тем же: часто ли он говорит проповеди и говорит ли в них о советской власти.

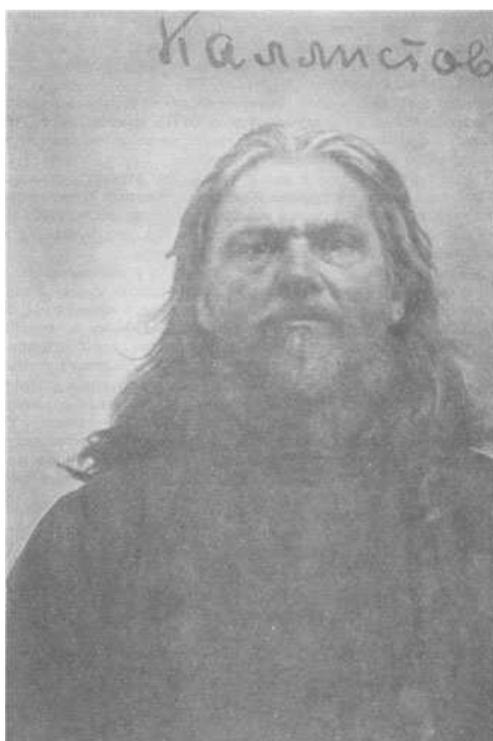
– После богослужения, в конце обедни, – ответил священник, – обычно растолковываю Евангелие, читанное за обедней.

В праздники святых и на двенадцатые праздники говорю проповеди, рассказывая об особенностях праздников. О советской власти не говорил; я человек аполитичный и политического в моих проповедях не было.

Отцу Григорию было предъявлено обвинение в антисоветской агитации. Он обвинялся «в том, что состоял священником в селе Ильинском Юрьевицкого района, вел антисоветскую агитацию в проповедях, говоря, что Советская власть у нас только на бумаге, фактически же советов нет, страну управляет кучка захватчиков-коммунистов, что благодаря тому, что коммунисты ведут борьбу с религией, страна переживает разные бедствия, пошли неурожай и т.д., призывал, чтобы крестьяне в коммунистическую партию не вступали...» Еще о. Григория обвиняли в том, что он поддерживает тесные отношения со священниками Кинешемского округа, в частности, с Владимиром Каллистовым: они переписываются, часто друг друга навещают, обсуждают церковные и политические вопросы. Что в доме Андрея Белорусова о. Григорий проводил беседы с молодежью и, главное, что его церковь посещает слишком много паломников. Это не может быть терпимо властью.

Прочитав обвинительное заключение, о. Григорий ответил:

– Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю и по существу дела поясню: в 1922 или в 1923 году я действительно проводил беседу религиозного характера со своими прихожанами. Специальных бесед с молодежью я не проводил. Проповеди во время церковных богослужений я говорил действительно часто. В феврале месяце в 1928 году в проповеди не говорил, что существующая власть безбожная и ведет народ к гибели, а говорил о безбожии вообще среди народа, о чем я действительно говорю часто, но не связываю с партией и властью. Первые годы своей службы священником и в последующие несколько лет ко мне было паломничество молящихся. Приходили и издали. Точно объяснить причины, привлекающие ко мне молящихся, не могу, но полагаю оттого, что я новый человек, небрачный, возможно, также и проповедями...

Священник Владимир Каллистов. Кинешемская тюрьма. 1929 год

В конце сентября 1929 года были арестованы священник Николо-Чудского храма Владимир Каллистов и председатель церковного совета Василий Корчагов.

Отцу Владимиру ставились в вину проповеди в храме и непочтительное отношение к Ленину, а Василию Корчагову – что хранил дома рукописную тетрадь со словами о гонении на христиан.

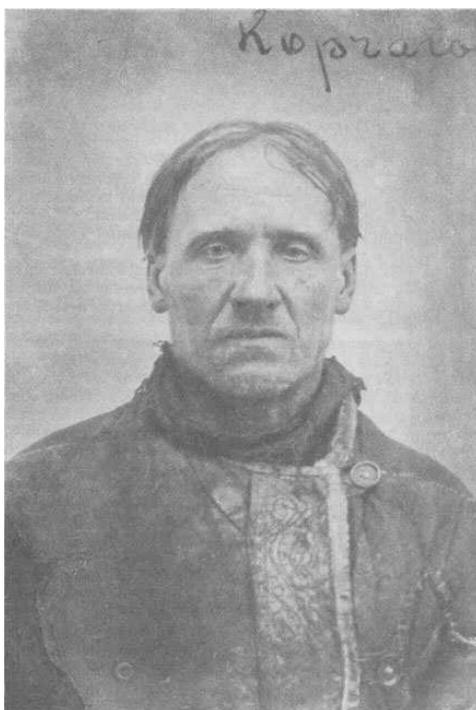
Священника Владимира Каллистова обвинили в том, что он в «1926 году в доме Крестьянина Лапшина в деревне Мишине говорил присутствовавшим крестьянам: «Православным крестьянам нельзя держать в доме... Ленина». В июле 1928 года говорил: «Колхоз устраивают не для того, чтобы лучше жилось, а для государства. Колхозы – дело гиблое. Вы сейчас бедны, а в колхозе останетесь совсем голые...» В 1929 году в целях развертывания массовой антисоветской агитации среди крестьян с использованием религиозных предрассудков организовал группу духовенства, устраивал нелегальные сборы у себя в доме и в других деревнях...»

Ни о. Владимир, ни Василий Корчагов виновными в предъявленных им обвинениях себя не признали.

3 ноября 1929 года старший уполномоченный Кинешемского отдела ОГПУ Гречухин составил обвинительное заключение на священников Григория Аверина, Владимира Каллистова и председателя церковного совета Василия Корчагова.

«Местом контрреволюционной агитации, – писал уполномоченный, – была избрана церковь, где с амвона священник Аверин в 1928 году в праздник «Ильин день» в своей проповеди говорил: «Хотя мы и слышим везде слово «советы» и даже и по форме имеем, но действительного совета при существующем порядке нет и не будет. Широко по всему свету разливается волна антирелигиозности – причина всех народных бедствий, необходимо опасаться, чтобы не захватила она кого-нибудь из вас, нужно бороться с этой волной, спасая от гибели православие.

Не поддавайтесь влиянию коммунистических идей, считайте их как дьявольское наваждение».

*Председатель церковного совета Василий Корчагов.
Кинешемская тюрьма. 1929 год*

В марте месяце 1928 года Аверин в церкви во время проповеди говорил: «Компартия, объединенная в коммунистический интернационал, является безбожной армией и везде и всюду идет против Бога, эта партия ведет народ к гибели, налогами душит крестьян».

Аверин своей контрреволюционной агитацией сумел привлечь сердца обиженных Соввластью, и к нему образовалось паломничество... В 1926 году по инициативе Аверина приехала в село Ильинское монашка Бакшеева и организовала церковный хор из малолетних девочек... по ее инициативе в 1928 году была послана в Ильинскую школу делегация из приверженцев церкви к учителю, чтобы он прекратил занятия в школе в религиозный праздник «Рождество». Чтобы воспрепятствовать нововведениям в деревне и иметь поддержку в своей антисоветской деятельности, священник Аверин в деревне Борисово организовал религиозный кружок из молодежи с целью противодействия культурным начинаниям в деревне... Наличие... единого наступления со стороны данной группы (Каллистов, Аверин и Корчагов) против мероприятий Соввласти подтверждаются еще рядом фактов. Точно установлено, что члены группы неоднократно собирались для разрешения вопросов своей деятельности... кроме этого, между ними велась переписка».

В соответствии с этим обвинительным заключением помощник начальника секретного отдела ОГПУ Аболмасов потребовал для священников Аверина и Каллистова расстрела, но позже требование свое переменял на восемь лет заключения в концлагерь.

Особое Совецание ОГПУ 3 января 1930 года приговорило священников и председателя церковного совета к пятилетнему заключению в лагерь.

В тот же год были арестованы священники Аполлинарий Скороходов, служивший в селе Покров, и Михаил Перепелкин, служивший в селе Цикино. Отцу Аполлинарию и раньше приходилось терпеть скорби от безбожных разбойников. Однажды, зная, что он отправился в дальнюю деревню соборовать, они подстерегли его в самой глухой части леса, напали на него, раздели и избили, сильно поранив голову. Едва живым добрался, он до ближайшего села. Теперь, после ареста и приговора, его вели к месту заключения пешком – со всякими притеснениями и жестокостью, и он, не выдержав мучений, скончался. Священник Михаил Перепелкин скончался в заключении.

Через пять лет о. Григорий вернулся на родину и стал служить в селе Симеон Пучежского района Ивановской области. Уже несколько лет этот храм был захвачен обновленцами. Прихожане рады были пригласить православного священника, но в округе уже не оставалось ни одного, все или были арестованы, или служили на дальних приходах. Обновленец, который не пользовался в селе поддержкой, уехал. Православные, в эти годы стороной обходявшие храм, потянулись в церковь; снова затеплилась в приходе духовная жизнь. Для о. Григория годы заключения были как для злата огонь, душа очистилась и закалилась в страданиях. Вся повседневная жизнь строилась на твердом фундаменте веры Христовой. И к священнику пошли со всех сторон люди – кто за советом, кто с просьбой помолиться, кто сам с ним хотел помолиться. И власти решили избавиться от священника. Немногим более года прослужил о. Григорий, и в сентябре 1935 года НКВД арестовал его. Вместе с ним были арестованы: староста храма Екатерина Круглова² (ее обвинили в том, что она из церковных денег благотворила нуждающимся крестьянам), крестьянин Иван Васильевич Родионычев (его обвинили в том, что он посещал священника), крестьянин Алексей Афанасьевич Кудряшов (его обвинили в том, что он посещал священника Григория Аверина, припомнили ему и тот случай, когда председатель колхоза предложил Алексею вступить в колхоз, «а иначе, сказал, задущу налогами»).

*Староста храма села Симеон Екатерина Круглова.
Кинешемская тюрьма. 1935 год*

Крестьянин Иван Родионычев. Кинешемская тюрьма. 1935 год

Крестьянин Алексей Кудряшов. Кинешемская тюрьма. 1935 год

Алексей склонил к нему голову и сказал: «На, руби лучше шею, но в твой колхоз я не пойду»), крестьянин Николай Николаевич Макарычев, его обвинили в том, что он сетовал на разорение советской властью крестьян непосильными налогами и надругательство над религией и духовенством и посещал о. Григория; упрекали его власти и в том, что он вышел из колхоза³.

Работа у Николая тяжелая, а бедность все решительнее входила в дом. Дети – все девочки, старшей – тринадцать, младшей – пять лет. Уже и жена, Евдокия, советует: «Уйдем из колхоза, это гнездо антихристово, грех нашей семье быть в колхозе». Николай и сам бы не прочь сбросить колхозную ляжку, но страшно, а ну как оторвешься от заведенного советской властью колхоза, а советская власть за это пустит по миру, изморит голодом. Случаи бывали, всё на глазах. И коллективизация, и закулачивание. Видя, что Николай колеблется, Евдокия предложила пригласить о. Григория. И как он посоветует, так и сделать. Отец Григорий пришел к ним рано утром. Евдокия собрала на стол, сели за трапезу, Николай все не решался прямо спросить священника, и тогда спросила Евдокия:

– Скажите, батюшка, грех быть нам в колхозе?

– Большого греха в пребывании в колхозе нет, – ответил о. Григорий. – Но если вы можете прокормить себя без колхоза, то верующим людям лучше быть в единоличном хозяйстве, чем в колхозе, где вы все время будете заняты работой, как подневольные люди, а в единоличном хозяйстве вы сами будете себе хозяевами и сможете больше времени уделять Богу.

– Ну, вот видишь, я же говорила, что грех быть в колхозе, – сказала Евдокия после ухода священника, – и это еще он сказал уклончиво, потому что ему нельзя сказать про колхозы впрямь.

Николай Макарычев из колхоза вышел, и этот случай был поставлен священнику в вину.

Никто из обвиняемых виновным себя не признал. В начале декабря начальник Пучежского районного отделения НКВД переслал «дело» в Иваново. Это был 1935 год, и Ивановскому НКВД «дело» показалось составленным неубедительно. «Несмотря на длительный срок ведения Вами следствия, – писали они начальнику Пучежского районного отделения НКВД, – последнее проведено плохо. Контрреволюционная деятельность обвиняемых выявлена недостаточно, факты антисоветских выступлений не конкретизированы и записаны в протоколах общими фразами, без указаний, где, когда и в присутствии кого эти выступления были...» В шестидневный срок это все предлагалось доследовать и исправить.

Доследовать было нечего, и исправления ограничились литературной правкой.

3 марта Особое Совецание НКВД приговорило священника Григория Аверина к трем годам исправительно-трудового лагеря, Екатерину Круглову – к трем годам ссылки в Казахстан, Алексею Кудряшову зачли за наказание срок, отбытый им в Кинешемской тюрьме, Ивана Родионова освободили, поставив его на год под гласный надзор НКВД. Николая Макарычева освободили.

Объявленный приговор не опечалил и не расстроил священника. Он знал, почему и за что страдал. Обстоятельства жизни, тюремная камера, концлагерь или расстрел – и это все дает нам Господь, несмотря на все усилия безбожников выглядеть в этой жизни хозяевами.

В начале мая о. Григорий прибыл в сибирский лагерь на рудник Темиртау. После медицинского освидетельствования его признали неспособным к тяжелому физическому труду и поставили сначала счетоводом, а потом дневальным в бараке. Держался о. Григорий в лагере с большим достоинством. Он не старался тушеваться, быть незаметным. Наоборот, всякому при встрече с ним было ясно, что перед ним священник. И если спрашивали, в чем его упование, он всегда давал прямой, неуклончивый ответ. Заключение

расспрашивали о Григория об истории России, Православной Церкви, о вероучении, и он охотно рассказывал. Отец Григорий отказался быть осведомителем, не угождал лагерному начальству и не участвовал в идеологических мероприятиях. Любовь к Богу и верность Ему удивляли в нем окружающих. Все видели в нем по-настоящему свободного, независимого человека. И это вызывало ненависть у тюремщиков. В начале сентября 1937 года против священника было начато новое «дело». Когда оно было закончено, то половину его занял акафист Божией Матери, написанный по памяти о Григорием, который он читал каждый день. В изложении мученического пути священника воспользуемся архивно-следственными документами, несмотря на их казенный язык⁴.

Оперуполномоченный Салев пригласил в свидетели против священника бывшего коммуниста Тенякова, осужденного на два года за воровство.

– Ежедневно по утрам и вечерам, – показал Теняков, – заключенный Аверин в бараке в присутствии многих заключенных производит открыто богослужение, читая церковные книги. Проводя беседы с заключенными, убеждает их не прекращать веру в Бога, приводя при этом всевозможные примеры религиозного характера. Вокруг себя заключенный Аверин постоянно группировал священников, которые попадали в 1-й лагпункт и ожидали отправки по колоннам... с ними он проводил беседы у себя на койке в стороне от остальных заключенных.

В тот же день Салев допросил заключенного Натягу, осужденного за растрату.

Тот показал:

– Ежедневно по утрам Аверин возле своей койки в присутствии заключенных совершает религиозные обряды совершенно открыто. И беседуя с заключенными вечерами и в обеденное время, старается в своих беседах внедрить заключенным веру в Бога.

Салев допросил осужденного на восемь лет крестьянина Ивана Шишкина.

Тот показал:

– В июне месяце 1937 года Аверин по утрам и вечерам собирал вокруг себя заключенных... читал вслух молитвы и Библию. Беседуя с заключенными, убеждал их не бросать веру в Бога... в своих беседах говорил: Советская власть издевается над народом, держит невинных людей в лагерях. Рассказывая о себе, говорил, что он сидит в лагерях второй срок. Получая как дневальный для всего барака из кухни обеды и принося эту пищу в барак, говорил, что Советская власть кормит очень плохо, а заставляет работать по целым дням.

Салев допросил осужденного на восемь лет за растрату Александра Молчанова.

Тот показал:

– В июне месяце 1937 года заключенный Аверин собирал в бараке вокруг своей койки заключенных... читал вслух церковные молитвы, призывая заключенных совместно с ним молиться Богу. Собирая вокруг себя по вечерам заключенных, Аверин рассказывал им религиозные притчи, цитировал Евангелие, говорил, что гонение со стороны коммунистов и произвол над народом, который они, по его словам, творят, скоро закончатся.

Через два дня дежурный 1-го лагпункта Поторокин, комендант лагпункта Сахно и инспектор лагерного порядка 3-й части Панов произвели в бараке у

о. Григория обыск. Нашли переписанный от руки акафист Божией Матери и изъяли его «для предоставления в 3-ю часть».

В тот же день о. Григорий был помещен во внутреннюю тюрьму; началось следствие, которое в тот же день и закончилось.

Салев вызвал для допроса о. Григория. Священник, уже зная чем все закончится, держался просто и твердо, с большим достоинством. О веру Христову, как о скалу, разбивались все попытки запугать исповедника.

– Следствию известно, – говорил Салев, – что вы, находясь в исправительно-трудовом лагере и работая в качестве дневального, производили по утрам богослужения...

– Богослужений не проводил, но, как правило, по утрам ежедневно про себя молился, совершая крестное знамение.

– Следствию известно, что вы собирали вокруг себя заключенных и им читали отрывки из священных писаний.

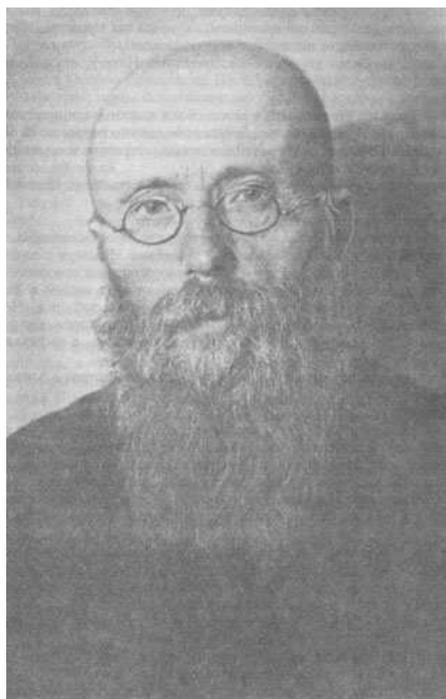
– Подобный факт отрицаю, обнаруженный у меня переписанный мною акафист Божией Матери читал лично сам, не привлекая к чтению заключенных...

– Следствию известно, что вы среди заключенных проводили беседы религиозного содержания и призывали их продолжать веровать в Бога.

– Специальных бесед я не проводил, но были случаи, когда некоторые из заключенных задавали мне вопросы религиозного характера о разнице церковных течений и другие, на которые я, как человек знакомый с этими вопросами, давал ответы.

– Признаете ли вы себя виновным в том, что среди заключенных проводили религиозные беседы, а также занимались контрреволюционной агитацией, распуская слухи о скорой войне и гибели Советского Союза?

– Виновным себя в контрреволюционной агитации, а также религиозной пропаганде я себя не признаю. По убеждению я верующий человек и из-за этого ушел от политической деятельности и никаких бесед на политические темы я не вел, – ответил священник.

Священник Григорий Аверин. Кинешемская тюрьма. 1935 год

Салев объявил, что следствие на этом закончено.

Через десять дней, 13 сентября. Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Семь дней пробыл о. Григорий в камере смертников в лагерной тюрьме. Самообладание не оставляло его. Душа его была спокойна. Он уже знал, что конец будет мученическим, а встретить его надо так, как встречали древние, с радостью. Незадолго перед последним арестом в лагере он писал из заключения родным, беспокоившимся о его судьбе: «Обо мне не расстраивайтесь и не беспокойтесь, у меня никого нет: ни жены, ни детей. Не надо бояться. Вы сами все знаете. Вы знаете, куда и к Кому .мы идем».

20 сентября 1937 года священник Григорий Аверин был расстрелян.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2»
Тверь. 2001. С. 306-325

Библиография

Архив УКГБ по Костромской обл. «Дело по обвинению священника Аверина Г.И. и др.». Арх. № 03969. Л. 8, 12, 19, 33, 35, 37-40, 72-74, 76.

Архив УКГБ по Ивановской обл. «Дело на Аверина Григория Ивановича и др.». Арх. № П-3781. Т. 1, л. 10-12, 24, 40, 42, 72, 73. Т. 2, л. 185, 187, 193, 235, 244-247, 252.

Архив УКГБ по Кемеровской обл. «Дело по обвинению з/к Аверина Григория Ивановича». Арх. № П-12295. Л. 4, 5, 7-14, 26-29.

Примечания

---

¹ Ныне Ивановская область.

² Екатерина Федоровна Круглова родилась в 1878 году в деревне Зубово Пучежского уезда. До революции работала по найму у крестьян. В сенокосные сезоны работала в Кривоезерском монастыре. С 1925 года была просфорницей в Симеоновской церкви, но, когда в 1931 году храм захватили обновленцы, ушла. И лишь в 1934 году, когда в храм пришел о. Григорий Аверин, вернулась и стала в нем старостой.

³ Отказ или согласие вступить в колхоз имели тогда для крестьян особенное значение. Предполагалось, что колхозники будут неверующими людьми, и потому вступление в колхоз для иного крестьянина было равнозначно отречению от Бога.

⁴ Мы уделяем такое внимание материалам по обвинению священника и подробно цитируем документы, чтобы читатель вполне уяснил, что священник казнен исключительно за веру в Бога.